

Лис Арден
Однажды Трубадур

Лис Арден

Однажды Трубадур

«Издательские решения»

Арден Л.

Однажды Трубадур / Л. Арден — «Издательские решения»,

Нет страшнее проклятия, чем молодость и талант. История двух друзей, живущих в XIII веке во Франции. Их объединяют музыкальный талант и мечта стать великими трубадурами. Но один из них — человек, а второй таковым не является.

Содержание

Часть первая. Жоглар	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Однажды Трубадур

Лис Арден

© Лис Арден, 2015

© Кий, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он прикоснулся к ней – осторожно и ласково, едва ощутимо провел по золотистому боку подушечками пальцев, отвел руку, склонил голову, словно прислушиваясь к ее тишине. Легко вздохнув, опустил ладонь на теплую выпуклость, задержал ненадолго... рука его скользнула вниз, подхватила ее, чтобы поудобнее устроить на смуглых худых коленях. Он откинулся в подушки, качнул головой, стряхивая с лица длинные черные волосы, и, прижимая легкое теплое тело к своей обнаженной груди, повел ее за собой. Он любил долгие дороги – о, с них-то все и началось когда-то, давным-давно, – но старался никогда не спешить. Не впервой было ему задыхающимся от счастья голосом выпевать любовь, задавать ей тон – такой послушной, звонкоголосой и отзывчивой, задавать ей такт – ударами собственного сердца. Самозабвенно запрокинув голову, прикрыв глаза, он наслаждался ею, всем, что она могла дать ему, а он мог в ней вызвать. А она отдавалась ему с восторгом и доверием, ибо истосковалась по таким рукам, чутким, уверенным и властным.

Последние, резкие и отчаянные движения – и он замирает, жадно ловя ее звенящий, изнемогающий стон... и снова осторожно проводит подушечками пальцев вдоль золотистого бока, благодаря и успокаивая.

– Спасибо. – Он серьезно посмотрел в глаза сидящей на краю смятой постели женщине. – Прекрасный инструмент... пожалуй, лучший из тех, что попадали мне в руки.

И он аккуратно отложил лютню в сторону. А потом встал, потянулся, отчего сразу стал похожим на тощего уличного кота – черного, с выпирающими ребрами и голодными, но веселыми глазами, – и подошел к окну.

– И тебе спасибо. – Женщина склонила голову. – Прекрасная кансона... из прежних?

– Не помню. – Не оборачиваясь, ответил он. – Смотри, скоро рассветет. Тебе пора.

– Тебе тоже. Предутренний сон самый крепкий.

– Не сегодня. Я все сделаю, не беспокойся и не тревожь понапрасну Господина.

– Да будет так. Оставить ее? – и ночная гостья кивнула на лютню, уютно устроившуюся в постели.

– Ты знаешь руки, в которых она будет петь нежнее? Нет? Тогда зачем этот вопрос... пусть остается. Ибо когда двое спят, тепло им, а как одному согреться? – процитировав книгу, чей вид обычно заставлял его болезненно морщиться, он вернулся в кровать и, прежде чем улечься, заложив руки за голову, устроил лютню рядом, заботливо прикрыв ее вышитым покрывалом. Гостья усмехнулась:

– Ты всегда умел принимать подарки.

И направила к двери.

– Доброй ночи, сестра – сказал он вслед уходящей.

– Доброй ночи, брат певец, – отозвалась она.

Часть первая. Жоглар

– Я буду трубадуром, – тихо, злобно повторил Гильем, счищая скребком жир и копоть со дна вот уже пятого котла.

– Я слышал это, и не раз, – отозвался отец, придирчиво осматривая привезенную с рынка провизию. – Ты будешь трубадуром, реки потекут вспять, господин начальник стражи заплатит мне за все перебитые его молодчиками бокалы и миски... а твой старший брат научится, наконец-то, покупать рыбу! – Поднятый отцом за хвост здоровенный тунец пах чересчур крепко и для рынка в какой-нибудь глубинной деревушке, где о море и слыхом не слыхивали, а уж для Барселоны так просто смердел. – Довольно бредить суетными мечтаниями, сынок, иначе ты окончишь жизнь на виселице. Если ты и дальше будешь слоняться по городу, глаза на каждого горлодера, вместо того, чтобы перенимать мастерство и знания отца, дабы со временем перенять и его дело, не роняя семейного достоинства и не умаляя нашего веса в городе, – тут он перевел дух, – то, без сомнений...

– Я окончу жизнь на виселице, – закончил за него сын. – Я слышал это, и не раз. Пусть так. Но сначала я стану трубадуром.

Был бы хозяин «Кабаньей головы» побогаче, он непременно воспользовался услугами астролога, дабы знать имя той несчастливой звезды, под которой угораздило родиться его второго сына, – хотя бы для того, чтобы проклинать ее при каждом удобном случае. Ибо за те четырнадцать лет, что минули со дня рождения Гильема, тот успел исчерпать весь немалый запас отцовского терпения, отучил домашних верить в то, что существует предел людского неразумия и сыновней неблагодарности, – словом, стал самой паршивой овцой в семействе Камарго.

Поначалу ничто не выдавало в нем семейного проклятия – так, обычный мальчишка, такой же чумазый, шкодливый, голодный щенок, копошащийся в траве. Он с легкостью преодолел все, от чего умер не один десяток его сверстников: болезни, неизменно сопровождавшиеся кровопусканиями, не задерживались у его изголовья дольше, чем на неделю, утюг, уроненный старшим братом, каким-то чудом миновал младенческую голову Гильема и благополучно пришиб крутившегося тут же под столом котенка, нищета и голод не тревожили благополучное семейство хозяина постоянного двора. Однако чем старше становился Гильем, тем чаще приходилось задумываться его отцу.

Однажды он застал сына, склоненного над ведром воды; время от времени мальчик прикасался пальцем к водной глади, заставляя ее морщиться и разбегаться правильными кругами. На недоуменный вопрос, что это значит и неужто он пропадал над этим ведром весь день, Гильем совершенно серьезно ответил, что разговаривает.

– С кем? – Опешив, спросил отец.

– С тем, кто смотрит из воды. – Ответил сын. – Я подумал, ему скучно день-деньской сидеть на дне, позвал его погулять.

Отец в ответ на такую прозорливость несердито дернул сына за ухо и велел отправляться в дом.

Повзрослев, Гильем мог смотреть на воду часами – хоть в море, хоть в луже, хоть в ведре.

В другой раз сын оконфузил всю семью в церкви, начав во время воскресной службы подпевать священнику, легкомысленно украшая строгий речитатив молитвы мелодичными кудряшками. Надо сказать, что особым благочестием семейство Камарго не отличалось; к мессе ходили исправно, исповедовались, читали праздничные дни – и только; правда, старший брат хозяина «Кабаньей головы», Рамон, стал монахом... но для него, хромого и увечного, это не было жертвой. Монастырь, давший приют убогому брату, приобрел неугомимого, искусного

писца, готового всю жизнь провести в скриптории, считая писчую судорогу за высшую степень телесного блаженства, а сам Рамон стал для семьи заступником перед Господом, избежав участи обузы и дармоеда. С его благословения племянник не один день провел в монастырской школе и научился считать и писать – а как же иначе вести счета?..

За неподобающее поведение в церкви мальчику крепко влетело, однако охоты к пению и сочинительству, а также к самозабвенному созерцанию всякого рода проходимцев с хорошо подвешенными языками у него не поубавилось. Сначала это забавляло отца, потом стало раздражать, а когда Гильему минуло четырнадцать лет, – серьезно беспокоило.

А для мальчика те редкие минуты, которые удавалось провести в обществе странствующих певцов, были самыми счастливыми. Первое время эти люди, одетые в дорогие, но изрядно поношенные ткани, несущие на своих сапогах пыль тысячи дорог, люди, чей взгляд всегда был устремлен к далекой, только им ведомой цели, казались Гильему божествами, подобными святым на церковных витражах, – неземной, звенящий свет пронизывал их, освещал изнутри их улыбающиеся лица. И он с тоской смотрел им вслед... а потом с ненавистью оборачивался к привычным обязанностям и горе было всему, что попадалось ему под руку: метлы ломались, котлы гремели как воскресные колокола, рыба чешуя осыпала даже потолок. Собственная жизнь казалась ему убогой и бессмысленной; и он был совершенно уверен, что рожден не для того, чтобы подобно отцу отрастить сытое брюхо и, воровато крестясь, разбавлять вино водой. Но однажды Гильем увидел трубадура, остановившегося на ночлег в их доме, совершенно пьяным... не умеющим связно выговорить слово, тупо разглядывающим пустой стакан. Это зрелище сначала ужаснуло его, но потом несказанно обрадовало. До этого дня Гильем Камарго лишь издали взирал на избранников судьбы, полагая, что ему, ничтожному сыну трактирщика, нечего даже мечтать однажды встать вровень с ними. А теперь, после того, как он подглядел за ликом божества вполне земное, по-человечески слабое существо, и уверенности, и решимости у него поприбавилось. Гильем понял, что и он может позволить себе выпустить на волю голоса, поющие у него в сердце.

В эту минуту в открытую дверь кладовой вошел мужчина. Достоинство осанки и гордая посадка головы уживались у него с веселыми глазами и приветливым выражением лица. Хозяин Камарго без труда угадал в нем очередного постояльца.

– Добрый день, хвала Господу! – Сказал он, сгибаясь в почтительном поклоне, – Чем могу послужить вам, почтеннейший?

– Хвала Господу во веки веков, – ответствовал вошедший, садясь на лавку. – Услужите мне доброй едой и теплой постелью, хозяин.

Небольшой акцент выдавал в нем уроженца Окситании.

– Мой сеньор, барон Понс де ла Гуардиа, владетель Жероны, прибыл сегодня в Барселону... я остановился бы вместе со всей его свитой, но уж очень графский замок тесен. А спать на прелом тюфяке, рядом с десятком пьяных вассалов, норовящих облегчиться не сходя с места – это не по мне. Кстати, у вас найдется чан для мытья? Распорядитесь, или помощника пошлите, а то он в котле дыру протрет!

– Увы! – Не выдержал трактирщик, не успевший остыть от разговора с сыном, – Увы, если бы помощника! Моему сыну не по душе доброе ремесло, и любой греховодник с дудкой в руках кажется ему достойнее отца!

Заказчик с интересом посмотрел на Гильема, который с ожесточением терзал ни в чем не повинный котел. Услышав сей похвальный отзыв, он с вызовом уставился на гостя. Обычно Гильем прятал взгляд за частоколом ресниц, и старый, скучающий мир порой начинал думать, что парень этот так себе, чуть ли не слабоумный. И тогда черная бахрома взлетала, словно потревоженная стая ворон, выпуская на свет божий пару таких сердитых сполохов, что мир отшатывался на долю секунды, а потом с уважением говорил себе под нос: «Экий ты, братец... Вот уж не ожидал!» Вопреки ожиданиям и отца, и сына, гость не разразился длинной нраво-

учительной тирадой, призывающей первого к терпению, а второго – к послушанию. Он с интересом посмотрел прямо в глаза подростку и спросил:

– Вот как? И чем же так тебе приглянулись жоглары?

– Не жоглары, а трубадуры. Стать жогларом всякая обезьяна сумеет...

– Замолчи, несносный! – Прикрикнул на него отец.

– Нет, почему же, – гость уже откровенно разглядывал Гильема, – я, с вашего позволения, хотел бы поговорить с вашим сыном. И откуда такое пренебрежение к жогларам?

– Ну... – Гильем смутился, с ним никто раньше не разговаривал на подобные темы, если не считать священника, который его обычно не дослушивал и спешил наложить очередную епитимию за суетные мысли.

– Жоглары только повторяют... ведь так? А на это много ума не надо. А трубадур слагает кансоны, – Гильем оживился, отложил в сторону котел, – и дарует словам музыку!

– Верно. – Гость улыбнулся. – Однако откуда такие познания? Впрочем, я догадываюсь. Барселона велика, праздников бывает достаточно, а наш брат словоохотлив. А ты сам пробовал слагать кансоны? – Спросил он серьезно, без малейшего намека на насмешку.

Гильем коротко кивнул. Предметом его первых песен была сначала дочка соседа – торговца тканями, но потом ее выдали замуж за какого-то шорника, и он стал посвящать свои творения неизвестной даме, однажды увиденной им в церкви. У нее были большие голубые глаза, белая чистая кожа и богатый наряд. Этого было достаточно.

– Тогда прочти хоть одну. Не струсишь?

Отступить было некуда.

Он даже черт лица ее не помнил толком. Это было неважно. Он помнил другое – пыль, плавающую в солнечных лучах... и замершее, вставшее на цыпочки сердце... и запах апельсинов. И весь день, на что бы он ни посмотрел, всюду виделось ему одно и то же – золотистый холмик щеки, чуть приподнятый намеком улыбки. Вся бесконечная щедрость мира пряталась за этим намеком; и Гильем пытался разгадать его, разглядеть – в золотых лепестках огня, в прохладных вздохах воды в колодце... Он томился, сам не зная, о чем: о самой ли загадке или об ответе на нее. Но стоило ему подумать о ней, мельком, краем глаза увиденной в церкви, запах апельсинов начинал кружить ему голову, золотистый бархат щекотал его взгляд и сердце тихо пело.

Гильем встал и, глядя в сторону, тихо, но отчетливо и не сбиваясь, прочел:

*Любовь, сорви мое глупое сердце зеленым!
Пусть померанцем незрелым оно в твоих золотится ладонях.
Нет на свете нежней и желанней оскомины,
Чем от влюбленного сердца зеленого...*

– Возьми мое сердце зеленым... – Гость явно был удивлен. – Неплохо. Этих слов я сам не постеснялся бы.

Он внимательно смотрел на собеседника, словно пытаясь вспомнить, где и когда уже встречал его, и это лицо казалось трубадуру странно знакомым. Впрочем, вряд ли – раз увидев такого, уже не забудешь, слишком красив: в непроглядно черных волосах запуталось лицо – молодой месяц, окруженный рваными грозowymi тучами.

– Лучше бы он познавал искусство содержать постоянный двор, милостивый государь, – вмешался в разговор отец, – дабы я не стеснялся предложить почтенным господам его услуги.

– Возможно. – Не стал возражать гость. – А ты знаешь, что трубадур должен также уметь исполнять свои творения? Иначе он будет обречен на насмешки товарищей и будет слишком сильно зависеть от своего жоглара. А ну-ка, попробуй... Впрочем, не сейчас. Я устал с дороги

и чан с горячей водой будет мне милее любой песни. Давай, парень, принимайся за дело, еще увидимся.

Получив вдогонку от отца крепкий подзатыльник, Гильем поспешил из кладовой в кухню, поставить на огонь побольше воды для купания нового постояльца. Потом побежал в одну из пустовавших комнат, посуше и попримятее, распахнул окно, чтобы впустить свежий ветер, и кликнул старшую сестру, чтобы та застелила постель. Потом понесся в пристрой, где стояли чаны для купания, ополоснул один, поновее, выстелил дно чистой простыней, положил на скамеечку мочалку и кусок пемзы. Потом принялся таскать воду, да так усердно, что только брызги во все стороны летели. Он и впрямь расстарался, потому как давно понял, что новый постоялец как раз из того проклятого племени, которое так не жаловал его отец.

Вечером Гильем, как всегда, помогал отцу в общем зале – записывал долги, подносил выпивку, убирал грязную посуду и сваливал остатки в цедилку. Их было немного, в «Кабаньей голове» пекли замечательный хлеб, и поэтому гости редко когда не съедали пышные ломти, на которые полагалось накладывать еду из общей миски. Давешний постоялец – Гильем узнал, что зовут его Аймерик Пегильян, – вот уже второй час сидел в компании небогатых рыцарей и таких же, как он, сочинителей. Наконец, он подозвал Камарго-младшего к столу.

– Вот, други, полюбуйтесь. Живет себе, не тужит, еды вдоволь, одет, обут – а он стихи вздумал писать!

Гости засмеялись. Не враждебно, впрочем, скорее сочувственно.

– А жогларов презирает...

– Да ну? – сидящий рядом с Пегильяном юноша, похожий на черную ящерицу, отставил стакан и подмигнул Гильему. – За что такая немилость к нам, а?

– За убогое подражательство, Письмецо, для которого много ума не требуется.

Гости снова засмеялись, причем названный Письмецом громче всех.

– Справедливо, хотя совершенно неверно. – Пегильян ободряюще улыбнулся сыну трактирщика. – И очень скоро ты сам это поймешь.

От этих слов у Гильема должно было бы дрогнуть сердце. Но словно и не с ним все это происходило – так спокоен он был.

– Спой нам. – Приговор, которого Гильем отчаянно ждал и совсем не боялся, прозвучал.

– Э нет, погоди, давай лучше так... – Письмецо повернулся к Гильему. – Спеть ты еще успеешь. А для начала повтори, если сможешь!

Он перекинул на грудь виолу, висевшую у него за спиной, уверенно взял пару аккордов и звучным, ярким голосом, неожиданным для такого коротышки, пропел начало знаменитой кансоны герцога Аквитанского о ветке боярышника, стынувшего под ночным дождем. Гильем усмехнулся – именно эту кансону он выучил первой; он слышал ее множество раз, запомнить слова для него было легче легкого, а вот с мелодией пришлось помучиться – он повторял ее до тех пор, пока не возненавидел... а потом просто перестал замечать. Он не пел, он дышал ею.

К счастью, голос у него сломался год назад, и теперь он не боялся пустить петуха или взвизгнуть, как кошка, которой наступили на хвост. Поэтому он без труда повел мелодию; голос его, правда, не мог тягаться с голосом гостя, он был заметно мягче и тише, но зато ему лучше удавались тонкие интонации, да и звучал он задушевнее. Письмецо, враз посерьезневший, осторожно прикасался к струнам виолы – и если ему она вторила ясным звоном, то Гильему ответила мягким переливом; удивительно – те же струны, те же пальцы, но для одного – зимний лед, а для другого – весенний дождь.

– Хорошо. – Пегильян был заметно доволен услышанным. – Вот не ждал такой удачи...

– Послушай, – Письмецо кивнул Гильему, приглашая присесть рядом, – кто это тебя учил?

– Никто, – последовал обезоруживающе простой ответ.

– Как это никто?

– Да вот так. – Гильем пожал плечами. – Я слышал эту кансону не один раз, ее было легко запомнить.

– Почему? – С любопытством спросил Пегильян.

– Она... она как один вздох, как взгляд – бедные, иссеченные дождем ветки, и человек, такой же измученный, шалый и счастливый. Вот только конец мне не нравится. К чему тут нож и кусок? Как на кухне, – и Гильем поморщился.

Гости засмеялись.

– Даже если ты легко запомнил слова, – не унимался Письмецо, – как же музыка? Ты так уверенно вел мелодию, не сфальшивил ни разу!

– Не смущай его, парень, – вмешался еще один спутник трубадура, – не так уж он и хорош. Голос не поставлен, звучит слишком тихо, неуверенно, а финал он и вовсе зажевал. Не понравилось ему, смотрите-ка, экий знаток! Его никто не учил, это очевидно.

– Но поправимо. – Пегильян подмигнул Гильему. – В школе Омела. Послушай, дружок, Господь щедро одарил тебя, и было бы грешно пренебречь его волей. Сегодня праздник у Письмеца, – услышав это, юноша приосанился и выпятил подбородок, – с сегодняшнего дня он уже не жоглар.

Гильем покраснел. А он-то разливался о ничтожестве жогларской братии...

– Завтра он отправляется в странствие в одиночку, в компании своих песен и виолы, и покидает меня, сирого и убогого. Но, сдастся мне, без жоглара я не останусь. Думаю, трех лет в Омела будет достаточно, чтобы ты смог занять место Письмеца. Ты поедешь со мной?

Ответ был столь очевидно написан на лице Гильема, что трубадур чуть не засмеялся.

– Valde bona. А теперь пой!

Я смолчал бы. Не сказал бы ни слова.

Но – в смехе твоём звон золотого

Лимона, а на груди – капельки сока звездного.

Я смолчал бы. Но, наверное, поздно

Они разошлись поздней ночью, когда трактирщик Камарго, чтивший законы города, наотрез отказался продавать им вино, благо винный колокол уже прозвенел. Пегильян, отложив разговор с хозяином «Кабаньей головы» на утро, отправился спать, его гости отправились восвояси, один лишь Письмецо, явно хвативший лишнего, остался сидеть за столом, уронив голову на руки. Трактир опустел. Гильем, все еще не веря в истинность намерений трубадура, машинально принялся исполнять свои каждодневные обязанности: вымел из-под столов объедки, собрал миски и бокалы – утром он намостит их как следует. Пора было запирать двери. В эту минуту его окликнули.

– Эй, парень, подойди-ка сюда. – Гильем оглянулся – это Письмецо, подняв отяжелевшую от выпитого голову, звал его.

– Подойди, пока я еще не уснул. Ну и вино у вас в Каталонии, кровь Господня, – и он с силой протер глаза кулаками. – И зачем я столько выпил? Традиция или дурость?

Гильем присел напротив вчерашнего жоглара.

– Ты и впрямь собрался уйти с мэтром Пегильяном? О, понимаю, сбывшаяся мечта... Уважаю. – Новоиспеченный трубадур икнул. – Тогда прими пару советов. Для начала – не будь таким наивным, братец! Твое счастье, что песня твоя – песня молодого олуха. А не то мэтр уже завтра спел бы ее во дворце герцога как свою, а так ему, да о зеленом сердце!

Письмецо сидел, выпрямившись, глаза его и блестели, и слипались; Гильем не раз видел таких постояльцев – в полусне, возмущаемом жадой задушевного разговора, они частенько выбалтывали весьма любопытные вещи.

– А в Омела тебе несладко придется. У тебя отец кто? А там все больше сыночки нищих, но жутко гордых папаш с гербами на пузе. Ну, к примеру, что ты им возразишь, когда тебя с грязью мешать станут?

– Скажу, что Христос был сыном плотника, а предавший его на распятие Пилат – римским вельможей. – Этот аргумент Гильем слышал однажды от дяди, готовившегося к какому-то диспуту.

– Неплохо, – Письмецо довольно покивал, – неплохо. А драться ты умеешь?

– У меня старший брат и ведьма-сестра.

– Отлично! – Письмецо помолчал, потом попросил – Слушай, дай воды, а? Встать не могу...

Гильем молча сбежал за водой. Его собеседник надолго припал к кружке, потом вновь заговорил.

– Да нет, мэтр ничего себе. Не жадный. Что сам знает – всему научит. И заработком поделится. Но и отработать тебе придется, и не думай, что только исполнением его драгоценных кансон! Я поначалу и по канату ходил, и прыгал, и всякую похабщину нес, – Письмецо удрученно махнул рукой.

Гильем молчал. О такой цене он не думал.

– Ничего, всему научишься. Только смотри, себя не растеряй. Он сказал, в компании виолы и своих песен отправлюсь я в путь. Слушай, будь другом, спой еще раз... я твою кансону не украду, мое-то сердце давно уж не зеленое. А может, и украду. Ну, спой!

*И обернется сердце мое ясным рассветом, И в горькой лазури
счастья утонет оно.*

*Я не хочу умереть, твоей любви не отведав, Не подарив тебе
желанной оскомины*

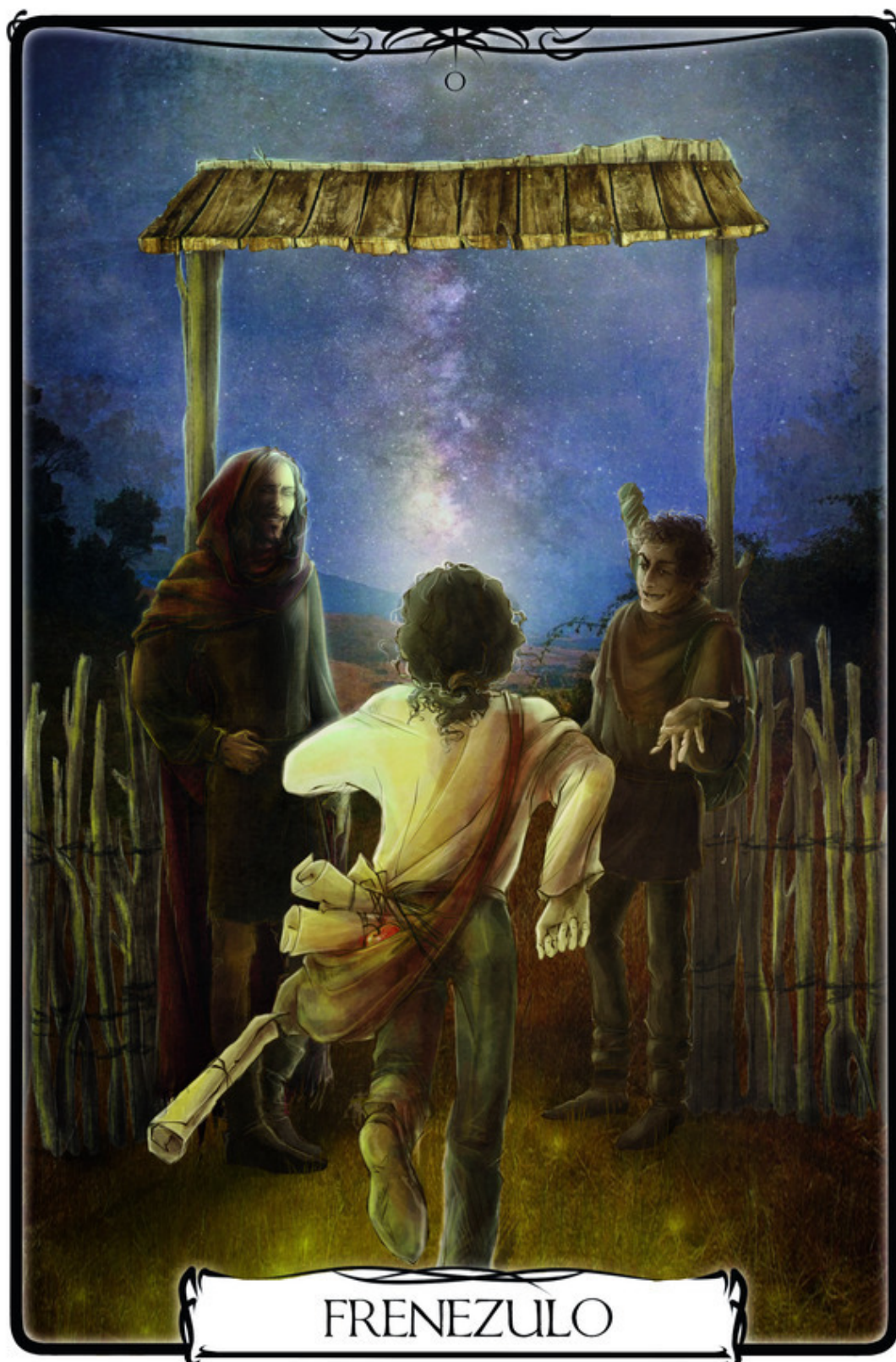
Письмецо слушал, затаив дыхание, покачивая в такт головой и безотчетно улыбаясь.

– Это хорошая кансона, парень, – сказал он, когда Гильем замолчал. – В жогларах ты не удержишься. А сейчас помоги-ка мне добрести до постели, не то я свалюсь под стол, и придется тебе выметать меня вместе с объедками.

Гильему казалось, что уговорить отца будет нетрудно. Его старший брат не так уж плохо справлялся со своими обязанностями, сестра была уже достаточно взрослой, чтобы помогать тетке (жена хозяина «Кабаньей головы» умерла, когда Гильем было пять лет), и еще недостаточно – чтобы заторопиться замуж и заставить отца потратиться на приданое. Словом, без Гильема жизнь в доме Камарго не слишком бы изменилась. Но отец так не думал.

– Не для того я растил тебя, – отрезал он, ожесточенно скребя поясницу, – ишь, чего удумал. Из сытого дома – да в побродяжки. Олух...

Гильем не стал спорить. Не задумываясь ни минуты, не жалея и не боясь, он попросту сбежал из дому.

Знаменитая на всю Окситанию школа трубадуров находилась в стенах замка Омела, вотчины рода, давшего миру великого певца, создателя темного стиля, о котором недоброжелатели говорили, что и сам поэт, проспавшись и протрезвев, с трудом мог понять, что написал накануне. Наследники Раймбаута Ауренги свято чтит его предсмертную волю и вот уже несколько десятилетий исправно содержали основанную им школу, в стенах которой невеже-

ственные «козлята» (это прозвище с незапамятных времен репьем прицепилось к начинающим жогларам) постигали семь свободных искусств. Ученики, волею судьбы попавшие сюда, осваивали то, что могло пригодиться будущему исполнителю, почти все, выучившись, поступали на службу к уже известным трубадурам, и лишь немногие, совершив с хозяином несколько странствий и набравшись опыта, рисковали пуститься в путь в одиночку. Они приходили сюда через одного неграмотные, неуклюжие и неумелые, но почти все – талантливые, и все без исключения – самоуверенные. Но – в Омела спесь сбивали быстро. Уже через неделю головы учеников начинали трещать от обилия заучиваемых текстов, пальцы, измученные струнами, кровоточили, а когда доходила очередь до уроков акробатики, то они уже и не знали, на что пожаловаться – то ли на вывернутые суставы, то ли на ноющую спину, то ли на синяки от сучковатой палки учителя, которой он подбадривал нерешительных.

– Да куда ты так припустился?! Ноги переломашь! – Задыхаясь от восторга, кричал Гильем, сам, впрочем, не отставая от своего спутника, мчавшегося сломя голову по крутой горной тропе. Деревянные бадейки, связанные веревкой, которую юноша крепко держал в руке, гулко стукались о сухую землю и подпрыгивали.

– Не отставай! – Не оборачиваясь, отозвался другой, и припустил еще быстрее, прыгая с камня на камень. Его короткие темные волосы смешно встопорщились, на спине и подмышками темнели влажные круги; широкоплечий и длинноногий, он двигался легко и уверенно. – А ну... эой! – Он, сильно оттолкнувшись ногами, сделал сальто и приземлился лицом к Гильему.

– Можешь так?

– Пока еще нет. – Смущенно спрятал глаза Гильем. – Я не очень-то силен в прыжках и жонглирую тоже плохо.

– Так чем ты тут занимался все полгода? – Изумленно уставился на него спутник блестящими карими глазами, – Священное писание читал?! Или они тут, вместо того, чтобы делу учить, в поле работать заставляют?

– Нет, – Гильем улыбнулся. – Не заставляют. А что до прыжков... погоди, сам увидишь, чему и как тут учат.

Но его собеседник, похоже, уже потерял интерес к разговору и побежал вниз, к источнику, находившемуся у самого подножия горы, на которой, словно орлиное гнездо, возвышался замок Омела. Гильем догнал спутника уже возле выложенного камнями озера, наполненного свежей, вкусной водой; «козлята» по очереди спускались за ней по три раза на дню. Считалось, что подобные прогулки служат сразу нескольким целям: бег вниз по крутой тропе развивает силу и ловкость, а утомительный подъем отлично тренирует выносливость и укрепляет дыхание. А кроме того, у родника можно было встретить слуг из замка и перекинуться с ними словом-другим. Новенький, которого поручили заботам Гильема, первым делом всласть напился, фыркая и постанывая от удовольствия, окатил щедрыми пригоршнями лицо и спину, и уселся на обломок скалы, прямо на солнцепеке. Страхивая с коротких волос искрящиеся капли, он смотрел, как Гильем набирает воды в бадейки, не спеша пьет, зачерпывая воду узкой ладонью, и усаживается в тень старого дерева.

– Как тебя зовут? – Наконец-то поинтересовался он.

– Гильем Камарго. А тебя?

– Бернар Амбель, и запомни это имя, друг мой, ибо придет время, и ты с гордостью будешь говорить своим слушателям: «Внемлите и восхищайтесь, и знайте, что я знал творца этих кансон еще в давние времена!» – Единным духом выпалив эту хвастливую тираду, Бернар вскочил на камень и отвесил поклон воображаемой публике. Поклону, впрочем, не хватило изящества.

– Когда кланяешься, не надо так оттопыривать зад, – серьезно посоветовал Гильем, – и руками не размахивай, лучше прижми их к сердцу. Вот так.

– Так? Эй, здесь что, учат милостыню выпрашивать? Мне так не нравится.

– Как хочешь. Но боюсь, что палка мэтра Арно тебя переубедит. Вот как огреет он тебя по выпяченному зад, так и передумаешь.

– Мэтр Арно? Тот коренастый, что велел тебе помочь?

– Да. Он учит нас разным трюкам, фехтованию... нам, правда, это не положено, но ему уж очень хочется кого-нибудь поучить. Танцы, поклоны, простое жонглирование – с этим мы и сами справляемся, он только присматривает.

– Слушай, друг Гильем, назови мне и других наставников. – Карие глаза Бернара казались горячими, как жареные каштаны, а сам он, похоже, ничуть не боялся полуденного зноя.

– Изволь. Замковый капеллан, отец Тома, толкует нам Священное писание. Сначала он покажется тебе сварливым и придиричивым, но на самом деле это редкий добряк; главное – не сердить его по пустякам и не перевирать стихи псалмов. Музыка нас учит мэтр Кайрель, он трубадур, но давно уже не выходит за пределы Омела – в последнем странствии ему пришлось довольно солоно, теперь он хромает на обе ноги. Но с инструментами управляется так, что от зависти удержится разве что глухой, – развел руками Гильем.

– Как инструменты? Какие? – удивленно спросил Бернар. – Я так думал, наш главный инструмент – голос, а на цимбалах пусть жоглар играет.

– Сначала стань жогларом, – засмеялся Гильем, – впрочем, я тоже поначалу спесивился. Ничего, услышишь, как поет виола в руках мэтра Кайреля, передумаешь. Кстати, голос ставить тебе будет именно он. Ну, и конечно, мэтр Пегильян. Пожалуй, нам пора.

Гильем встал, взял одну из бадеек, кивнул Бернару на вторую и не спеша стал подниматься в гору. Новичок поначалу решил, что поднимется так же лихо, как и спустился, но извилистая горная тропа живо укротила его норы, и спустя полчаса Бернар пыхтел рядом со спутником, уже не пытаясь взлететь к вершине одним махом. Вылив принесенную воду в бочку, вкопанную в землю под навесом, Гильем повернул обратно.

– Э-э-э... ты куда это? – Глаза-жареные каштаны готовы были затрещать от изумления.

– За водой. Пошли.

– Что, еще раз?!

– *Repeticio est mater studiorum*, – нравоучительным тоном ответил за Гильема подошедший к школярам отец Тома, – ступайте, юноши, не ленитесь. А ты, сын мой, запомни, что с первого раза редко какой урок застревает в ваших бестолковых головах; ступай, повтори – и впредь не задавай глупых вопросов.

Когда в Омела появился Бернар, Гильем уже не был новичком. За время, проведенное в пути вместе с Аймериком Пегильяном, он легко распростился с родным каталонским наречием и так же легко заговорил на окситанском языке. Первые недели в школе были отнюдь не безоблачными, и все предупреждения Письмеца оказались как нельзя кстати. Но было в характере каталонца нечто такое, что примирило с ним даже самых старших и чванливых «козлят»; Гильем был так открыт, доверчив и счастлив, что никому не хотелось обижать его. А еще он придумывал самые невероятные проделки, и с его появлением жизнь «козлят» заметно оживилась. Однажды они пробрались ночью в комнату мэтра Арно, загулявшего по случаю пасхальной недели, и всю мебель – кровать, стол, сундук – на толстых веревках подвесили к потолочным балкам. Вернувшийся далеко полночь учитель долго шарахался в пустой комнате, ничего не понимая и чертыхаясь вполголоса, и улегся спать прямо на полу, на сердобольно оставленном школярами тюфяке. В другой раз «козлята», прослышав о готовящейся в селении свадьбе, заявили так же на ночь глядя в трактир и опустошили все приготовленные к свадебному пиру столы... после чего соорудили пару чучел, довольно похоже

изображавших священника и церковного служку, объевшихся и заснувших прямо за столом. Пришлось семьям жениха и невесты сообща восполнять урон, нанесенный прожорливыми юнцами, которые, к слову сказать, весь день и всю ночь веселили собравшихся гостей, не жалея сил.

Учился Гильем легко и страстно. С учителями ладил. А с приходом в Омела Бернара, сына бедного тулузского рыцаря, он обрел настоящего друга. Как-то само собой вышло так, что юноши стали все делать вместе – учиться, выполнять хозяйственные повинности, бегать в селение или пробираться в замок, и, разумеется, есть из одной миски. Вместе сочиняли тенсоны на заданные темы. Вместе отрабатывали уроки мэтра Арно, жонглируя до головокружения и отшибая пальцы деревянными мечами. Вместе забирались ночью на замковые огороды, объедались, а потом хором стонали от невыносимой рези в животе. Они поссорились всего один раз.

Сеньором замка Омела был уже старый и весьма недужный рыцарь Адемар, славно послуживший графам Тулузским, а ныне вкушающий заслуженный отдых. Оскудев силой и здоровьем, он ничуть не оскудел умом и жизнелюбием. Женой рыцаря была госпожа Аэлис, прекраснейшая из дам, когда-либо живших в Окситании, обладавшая всеми достоинствами, надлежавшими столь благородной даме: и красотой, и знатностью, и молодостью. Жила она в доме рядом с домом старого сеньора, оба дома окружала одна стена и соединял их подъемный мост. Аэлис была истинной хозяйкой Омела, замок жил согласно распорядку и правилам, которых она придерживалась. И именно благодаря ей Омела из сурового орлиного гнезда, немногим отличавшимся от пограничного гарнизона, превратился в уютное жилище, наполненное не только необходимыми вещами, но и предметами роскоши. При супруге старого рыцаря всегда находились несколько благородных девиц, не имевших иной заботы, кроме как о собственном теле да об угождении своей госпоже. Количество же служанок не поддавалось исчислению. И все они, все до единой, в свой час становились добычей Бернара; увы, славный тулузец оказался неисправимым бабником и готов был бежать даже за юбкой, надетой на дерево. А поскольку он был статен, хорош собой, обходителен и болтлив, то служанки в Омела были попросту обречены. Кроме одной.

Ее звали Тибор, она прислуживала одной из придворных девиц. Родом она была, как и Гильем, из Каталонии, и за внешней сдержанностью прятала весьма горячий нрав. Когда Бернар только начал обхаживать ее, девушка весьма ясно дала ему понять, насколько несбыточна его надежда уединиться с нею в укромном уголке. С первого раза Бернар ее не понял, и пришлось втолковывать ему эту непреложную истину повторно. Но тулузец не унимался.

Бернар подстерег Тибор, когда она зачем-то спустилась в поварню.

– Ну, будет тебе ломаться, красотка, – он вынырнул из-за большущей хлебной печи, обхватил ее за плечи. – Я ж не отступлю, клянусь спасеньем души!

– Легко клясться тем, чего нет! – Тибор оттолкнула Бернара, – Отстань!

– Ни за что! – Не так-то легко было избавиться от возбужденного и желанием, и отказом жоглара. Он наступал на девушку, как кот на мышку, пока она не почувствовала спиной теплый бок печи. Тогда он, не снизойдя к беспомощности, прижал ее бесцеремонно, словно девку в подворотне, и начал целовать отворачивающееся лицо, одновременно задирая юбки и стаскивая с плеч сорочку. Собрав все силы, Тибор все же вырвалась и, увидев нехороший огонь в глазах обидчика, отчаянно оглянулась, наугад шаря вокруг руками. Под руку ей попалась здоровенная деревянная лопата, из тех, которыми вынимают из печи хлеб. И со всего размаху девушка огрела Бернара этой лопатой по голове.

Раздался смешной деревянный звук: лопата треснула, а распаленный кавалер медленно сполз на пол.

– Пррроклятье... – он держался за голову, словно боясь, что она развалится напополам. На его лице застыла смесь изумления, злобы и боли. – Ах ты...

И вслед убегавшей Тибор полился поток ругательств, грязных, как свиной закуток.

Школяры укладывались спать в общей комнате, разложив на полу плотные соломенные тюфяки. Почти все они уже храпели, устав за долгий день, один Гильем медлил, не гасил свечу, ожидая загулявшего друга. Наконец, Бернар, перешагивая через спящих, прошел к своему тюфяку, заботливо разложенному другом, и, усевшись, принялся стаскивать через голову рубаху, что-то злобно бубня себе под нос.

– Что на этот раз? – Спокойно поинтересовался Гильем.

– Что?! – Из складок материи вынырнуло бледное, перекошенное лицо Бернара.

– Я спрашиваю, что приключилось? Опять приставал к Тибор? О-о-о... – Гильем только сейчас заметил огромную багровую шишку, украсившую лоб жоглара.

– А я предупреждал тебя, брат, не лезь ты к ней. Это не размазня-северянка, которая разомлеет от одного твоего взгляда. Отступись. Уж если она тебя не желает, так тому и быть.

– Еще чего! – Огрызнулся Бернар. – Ой!.. – Он неосторожно задел рукой лоб.

– Что, неужели мало? – Удивился Гильем. – Добавки захотел?

– Захотел! И получу! И не я один... Мартен давно на нее облизывается, небось не откажется мне помочь. От нас не вывернется.

– Ты что городишь? – Не веря своим ушам, спросил Гильем. – В уме повредился?

– А тебе какое дело? – Прошипел Бернар. – Тебя я не зову, ты у нас чистоплюй известный... и дело с концом! Обнимайся со своей виолой и не суй нос куда не просят. Потррроха Господни... – и он осторожно принялся ощупывать шишку.

– Постой-ка, – Гильем сел на своем тюфяке, – значит, ты и впрямь собрался обесчестить девушку?

– Что?! Обесчестить? Ой, уморил!.. – И Бернар захихикал. – Скажешь тоже! Да всему замку известно, что Тибор к старшему конюшему чуть не каждую ночь бегаёт! Ну ничего, побежит к одному, а достанется другому.

Закончить похвальбу Бернару не пришлось, потому как Гильем совершенно неожиданно набросился на него с кулаками. Свеча, прихлопнутая отброшенным одеялом, погасла. Один за другим просыпались «козлята» Омела, разбуженные кто пинком, кто тычком, кто криком. В полной темноте разглядеть что-либо было совершенно немыслимо; то и дело раздавались недоумевающие голоса или вопли боли – если на лежащего наступали или он случайно оказывался на пути дерущихся.

– Что такое... ох!!!

– Воры!!!

– Да какие воры, что тут красть? Тебя, что ли, бестолочь?!

– Сам ты бестолочь... эй, вы что, сбесились?

– Да выкиньте их на улицу!

– Ай!.. меня-то за что?!

– Ах ты праведник лопаухий!...

– Пожар! Горим!

– Силы небесные, что тут происходит?! – Со свечой в руке в комнату заглянул мэтр Арно.

Скупой свет выхватил из мрака замечательную картину – заспанные, лохматые школяры, жмушщиеся к стенам или шарящие руками в поисках нарушителей покоя, и двое сцепившихся друзей. Они катались по полу, не обращая внимания на появление наставника, стараясь нанести друг другу по возможности больший урон. Мэтр Арно, не тратя понапрасну слов, прошел прямо к пыхтящему и сквернословящему клубку, взял друзей за шкуру и потащил вон из комнаты. Выставив их за дверь, он приказал:

– А ну-ка, уймись! Вояки... До утра простоите у меня под окном, а чуть свет – на исповедь к отцу Тома! Уж он вам покажет.

Через полчаса в доме все спали, кроме выставленных в отрезвляющую прохладу ночи и мэтра Арно, прислушивающегося к их шепоту.

– Да ты чего так взъелся, брат?! – Бернар уже отошел от упоения дракой, и голос его полнился обидой и удивлением.

– А то! Тебе что, девок мало? Ползамка уж осчастливил! И как только успеваешь! – Гильем не утешал и не извинялся, он совершенно искренне негодовал.

– А так и успеваю! – буркнул Бернар. – Тебе-то что! Завидно, что ли?..

– Так зачем брать подлость, если то же самое тебе отдадут с радостью?!

– То же самое, понимал бы чего! – И Бернар ухмыльнулся. И тут же, прикоснувшись к кровоточащей губе, зашипел: – Как я петть теперь буду?

– Мой друг не мог измыслить такую мерзость. – Гильем шмыгнул разбитым носом.

– Ох, ну давай, умори меня проповедью! – Но в голосе Бернара уже явственно слышалось раскаяние, – грешен, каюсь! Меа culpa, теа maxima culpa! – И он ударил себя кулаком в грудь.

– Брось дурачиться! – Серdito ответил Гильем. – Ты меня очень напугал.

– Да ладно тебе, – неожиданно грустно сказал Бернар, – неужто ты думаешь, что я способен сотворить такое в действительности? Что я, живодер какой, что ли? Помиримся, брат? – И он протянул Гильему руку.

Жоглары пожали друг другу руки, а потом и обнялись. Какое-то время они стояли молча; первым подал голос Бернар.

– Слушай, Гильем, а ведь холодно...

– Да уж, ноги совсем застыли.

– А все ты...

– Что?!

– Да я шучу! А давай споем.

– Ага. И спляшем, а то я окоченел, что твой петух на леднике.

И замерзшие жоглары, подпрыгивая и потирая озябшие руки, не сговариваясь, запели рассветную песню:

Страж бессонный прокричал:

Просыпайтесь! Час настал!

Солнца

Свет на землю льется

И супруг вот-вот вернется!..

– Да ты никак фальшивишь, брат Бернар? – стуча зубами, съехидничал Гильем.

– Сам ты фальшивишь и зубами не в такт стучишь! – не менее ядовито ответил Бернар.

– Вот я вас сейчас, греховодники! – Рывкнул, выглянув из окна мэтр Арно. – Мало вам!

Пение умолкло. Жоглары продолжали мерзнуть молча. Наконец, Бернар снова заговорил.

– Гильем, иди сюда, здесь трава, все теплее, чем на камне стоять.

Теперь они стояли совсем рядом, переминаясь с ноги на ногу; парок, вырывавшийся из их ртов, смешивался в одно белесое облачко. Было тихо, позади темной громадой высился замок.

– Мэтр Пегильян говорил, на весенние праздники звано много гостей, значит, и мы понадобимся, – мечтательно проговорил Гильем.

– Ага. Когда мэтры всех усыпят, нас как раз выпустят... – недовольно буркнул Бернар. – Чего тут сидеть, ни славы, ни заработка. Слушай, а давай уйдем вместе? Ты да я.

– Ты серьезно? – Удивился Гильем.

– А почему нет? Или я тебе в спутники не гожусь? – Обиделся собеседник.

– Не в этом дело. Просто мне всегда казалось, что ты предпочитаешь петь один, да и рано нам пока.

– Чего ж тебе не хватает? – Теперь удивился Бернар. – Риторiku с грамматикой освоил, мэтр Кайрель тобой не нахвалится, трюки разучил. А остальному только опыт научит.

– Согласен. Но к чему идти за тридевять земель, чтобы опозориться? Лучше уж набить первые шишки здесь, как-то привычнее.

– И то верно. Но ты все-таки подумай. Было бы славно.

– А ну, замолчите! И вот трещат, как торговки на рынке... ступайте в дом, нет от вас житья! – Высунувшись в окно, скомандовал мэтр Арно. Обрадованные таким оборотом, друзья шмыгнули в незапертую дверь, ошупью пробрались к своим тюфякам, дрожа и лязгая зубами, натянули одеяла и почти мгновенно уснули. Они давно уже спали рядом, и случилось, что зябкий Гильем перетягивал на себя покрывало Бернара, а тот, разметавшись во сне, мог с размаху заехать соседу тяжелой ладонью по лицу. В комнате воцарились тишина и тьма.

Свет падает тяжелыми каплями, и, стекая по ее лицу, оставляет влажные, маслянистые полосы. Тьма кладет ей на плечи бархатные лапы, дышит тихим рычанием в ухо, щекочет босые ноги. Жарко.

– Тибор... – он выпускает ее имя из воспаленного рта и тут же со свистом втягивает в себя воздух, ловя его, не давая улететь на волю. Душно.

Он смотрит, не мигая. Глаза ее пусты: слишком много бушует в ней, не вместить двум черным блюдцам. Они перевернуты донцем вверх, глянцевые, непроницаемые. Жарко. Душно. Он знает, что это такое. Это страх исходит от нее плотными волнами, обволакивая его, раздражая ноздри. Страх.

На полу томятся тени, ползают непойманные взгляды. Волосы Тибор рассыпаются сотнями черных скрученных лепестков, губы растекаются багровой сургучной печатью. Он наклоняется к ней... на вкус она, как сердцевина заката, как забродивший гранатовый сок. А боль ее – жесткая и терпкая. Гранатовая кожура.

Он заслоняет ее собою от тяжелых капель света. Серый паук, что-то невнятно шепча, наполняет бадейку соленым стеклом – это ее слезы – и, пошатываясь от тяжести, тащит добычу в свой темный угол. Там он разобьет холодный слиток, рассыплет хрусткие крупницы по полу, и каждый вечер будет вставать на этот коврик всеми шестью коленями, молясь за души чернотелых мух, сгинувших в его паутине.

Ее тело, бледное, как брюшко рыбы, безвольно вздрагивает, впуская его. Оно немо... молчит, когда он разрывает застывшую, оцепеневшую в страхе плоть, когда он вытягивает остатки тепла из-под ее кожи. В этой тишине ему проще взять ее; взять самое важное – ее теплый страх, отбросив смятую белесую оболочку, похожую на распоротое по швам платье.

Жжет спину. Это свет.

Тибор открывает глаза. Это лишнее. Он и так готов отпустить ее. Глянцевые блюдца пусты... черные зеркальца. Он проводит по ним пальцем, стирая пыль, и они послушно отражают его лицо. Лицо чудовища. Он кивает ей, и в ответ ее губы, покрытые капельками крови, растягиваются в форме улыбки.

Он уходит. Оборачивается и видит Тибор, сидящую на полу, возле большой хлебной печи. Теперь она тоже чудовище. Как и он.

Гильем проснулся, обливаясь холодным потом, сел, обхватил руками голову.

– Пречистая дева... – Пальцы машинально совершают крестное знамение и, будто случайно, прикасаются к лицу. Это дурной, очень дурной сон. Гильем тяжело вздохнул, откинулся на жесткий тюфяк. Волнение не оставляло его, тяжелая ночная кровь постукивала в кончиках пальцев, пела в ушах, не давая уснуть. Он, не знавший женщины до сего дня, был насмерть напуган этим сном, пришедшим невесть откуда, вероятно, авансом за еще не совершенные грехи. Стоило ему закрыть глаза, перед ним вновь всплывали видения болезненно яркие, как капельки крови на губах Тибор, заставлявшие его стонать от мучительного, тошнотворного чувства стыда. Гильем вновь поднялся, сел, зябко обхватив колени руками, бесцельно водя взглядом по зыбкой темноте спящей комнаты.

В отличие от друзей по школе, Гильем не был охотником до общества веселых замковых служанок; все их шуточки, смешки и перемигивания, заканчивавшиеся одними и теми же школярскими признаниями на исповеди, казались ему низменными, недостойными; почему-то вспоминался отцовский жирный затылок, сальные миски, сваленные грудой в корыте, и жуткая, необъятная грудь тетки Филиппы... при встрече она всякий раз принималась немилосердно тискать хорошенького племянника, словно пытаясь его задушить.

Не раз «козлята» Омела в шутку предлагали Гильему избрать стезю Господня служителя. Но она его не прельщала, слишком он был тщеславен и независим; и он надеялся полюбить. Не развлечься, не победить, а именно полюбить – так, как велят песни. Эта любовь не имела ничего общего с липкими россказнями «козлят». И совсем не была похожа на этот кошмарный сон. Гильем тряхнул головой, прикусил губу... да что ж такое?! Почему так стыдно? Всего лишь сон, доставивший ему несомненное удовольствие. «Нет! Не хочу!..» – он едва удержался, чтобы не закричать, пораженный этой мыслью; но деваться было некуда – это был его сон, его душа породила это чудовище, наслаждавшееся тем, что вызывало у Гильема отвращение и стыд.

Съежившись, мелко дрожа, Гильем заплакал.

– Ты чего это, а?.. – Сонно спросил, приподнимая голову, Бернар.

Гильем молчал, глотая слезы.

– Да что стряслось? – Встревожился Бернар, садясь рядом. – Все еще обижаешься?

Гильем покачал головой.

– Тогда что? Ну, с тобой сейчас не сладишь, – и он, оставив попытки разговаривать друга, просто накинул на него одеяло, обнял и дождался, когда слезы кончатся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.